

Новая газ. — 2003. — 16-18 июня. — с. 25.

Вагрич Бахчанян — человек, который придумал строчку «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью»; пионерскую речовку «Как повяжешь галстук — береги его. Он ведь с красной рыбой цвета одного»; псевдоним Лимонов для подростка Савенко; любимую мною фразу «Бей баклуши — спасай Россию!» и творческий метод SOSреализм. А также сотни других знаков, лаконичных, как девизы и гербы.

Вроде бы знаки порождены московскими 1970-ми, эпохой относительно сытного, но слащаво-ядовитого «Кремль-брюле». Или — русским Нью-Йорком 1980-х—1990-х, «наносной землей обетованной». Соцарт ныне уценен, как красноречивые арбатские лотки. Отзвенели Комар и Меламид. И роман Льва Халифа «ЦДЛ» не читается решительно.

Но почему-то не устарели артефакты Бахчаняна. Например, историческим прозрением оказалась фраза: «Бумажник — оружие пролетариата!». Каламбуры и коллажи Бахчаняна — искры из глаз при столкновении двух несопоставимых,

окопелых (каждая в своем) действительностей. Сходятся они с размахом. Неожиданно. Смешно. Больно. На месте контакта в сознании зрителя змеится трещина. Узкая, но уходит глубоко. Увы, пленэр 1990-х, богатый и многообещающий, как подольская свалка, пропал даром: в этом пестром пейзаже не хватало Бахчаняна. Он приехал в Москву из Нью-Йорка только в июне с.г. Первый раз за двадцать девять лет.

В клубе «Муха» до 17 июня открыта выставка его коллажей. В издательстве «У-фактория» вышла двухсотстраничная книга «Мух уйма. Искусство». Первая книга Бахчаняна на исторической родине.

«Я не знаю, что Вагрич делал в Харькове (в юности. — Ред.), но, зная его 20 лет в Нью-Йорке, догадываюсь, что ничего хорошего. Достаточно сказать, что Лимонова, которому Вагрич придумал псевдоним, Бахчанян считал маменькиным сыночком», — пишет Александр Генис.

...Человек со столь грозной репутацией, легендарный остроумец, оказался лаконичен, изыщен, сдержан. И скорее печален, чем жизнелюбив...

— Как вы работаете? Ведь жанр сродни поэзии...

— Похоже, да. Вдруг в разговоре с кем-то. Две вещи сопрягаются — и вспыхивает. Я не знаю...

— Есть в «русской Америке» люди, в диалоге с которыми вы всегда в ударе?

— Я понимаю, о чем вы говорите... В Москве, в 1960-х, с этим было проще. Здесь была 16-я страница «Литгазеты»... И все в этой редакционной комнате чувствовали себя акынами. Стоило туда войти — ты уже был в фокусе!

В Америке с этим сложнее. Хотя был короткий период, когда Довлатов издавал газету «Новый американец». Вот там атмосфера была довольно приятная. Были Вайль и Генис, Довлатов, такой Гриша Поляк, издатель. И атмосфера — близкая к той, что здесь была... Но, конечно, в другом масштабе.

Потом, когда Вайль и Генис издавали журнал «Семь дней», там тоже было неплохо. Но и это недолго длилось.

— Ваши коллажи журнал Вайля и Гениса печатал разворотами...

— Это не сразу сложилось. Но когда все-таки напечатали несколько коллажей на разворот, увидели, что это привлекает внимание. К тому же многие люди стали их вырезать и вешать на стену как плакаты. «Симбирский кот», например. Кот в духе лубка, но с лицом Ленина. Такой прищуренный...

— Что вспыхивает у вас в памяти при слове «Довлатов»?

— Довлатов был сложный человек. Я его даже немножко побаивался... особенно по телефону. Потому что он, когда говорил по телефону, точно читал написанный текст. Не делал никаких оговорок. Никогда не бывал косноязычен. Он всегда говорил так, будто все это уже идет в печать.

А я, как многие люди, могу оговориться, смять какую-то фразу. И я знал, что Довлатов все это фиксирует. Вообще все фиксирует. И всегда был наготове. Боялся что-то сказать не так.

— Ваши книги «Ни дня без строчки», «Синьяк под глазом» и «Стихи разных лет» издала Мария Васильевна Розанова.

Бахчаняна упрекали в формализме. Бахчанян оправдывался: — А что если я на содержании у художественной формы?

Сергей Довлатов
«Соло на IBM»
(Нью-Йорк. 1979–1990)

Вагрич БАХЧАНЯН:

ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК — ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО!

Каждая книга была концептуальным проектом. В московский том 2003 года вошел явно книжный проект «Чужая душа (черновик)»: десять страниц черных квадратов с посвящением Саше Черному и Коле Чернышевскому. Есть ли еще какие-то издательские проекты?

— Была у меня еще такая бесконечная лента, на которой было написано: «Суeta сует и всяческая суeta сует...», — и так до бесконечности. У

меня готова целая книга пьес — и длинных, и кратких. Я бы сказал, пьес для чтения.

— Вы меняли в США язык и «пленэр» работы? Ваши коллажи — даже те, в которых ни буквы нет, — ясны без слов человеку с российским опытом. Но вы четверть века видите вокруг себя другую реальность. Для вас она так же живописна?

— Честно сказать, я не хочу заниматься этим. Вся советская символика, все эти фразы, общие места, конструкции, которые, может быть, уже давно демонтированы, до сих пор сидят у

Плакат к фильму
С. Эйзенштейна

меня в подкорке. А там я так не влезал в это. Были какие-то попытки, русско-английские каламбуры. Но немного.

...Чем я занимаюсь? Подмной занимаюсь. Меняю мысли, понятия, иногда букву одну. Под заголовком «Вся власть сонетам» Вайль и Генис целую статью в «Синтаксисе» написали. Еще была одна фраза, они ее часто использовали: «Лишний человек — это звучит гордо». Это мой любимый прием. «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью» я придумал, когда вышел однотомник Кафки. Мы

болтали втроем... Оба приятеля, что были при этом, сейчас далеко. Один в Канаде — это Юра Милославский, другой в лагере, в Ангельсе, — это Эдик Лимонов. Вот они присутствовали при рождении этой фразы. Мы были чуть навеселе — это самое лучшее состояние, когда не пьян, а чуть навеселе. Полтора-два стаканчика — и ты в самом лучшем состоянии, чтобы заниматься словотворчеством. Впрочем, оно тут же уходило в фольклор. Иногда ко мне и возвращалось — уже безымянным.

Помню, как-то встретил меня Витя Шапов, муж лимонской музыки, Елены де Карли-Шаповой. Муж... Муз... — она ведь тоже пишет. Так вот, муз меня встретил и говорит: «А! Вагрич! Вот анекдот хороший, даже в твоём стиле. Встречаются Ван Гог и Бетховен. Ван Гог у Бетховена спрашивает: «В каком уже звенит?». Я говорю: «Это не только в моем стиле, это я и сочинил».

Потом еще пьеса одна была, тоже осталась незаписанной. Генис потом ее записал: «Врач выходит из Мавзолея, снимает хирургические перчатки и шепчет со слезами: «Будет жить!». И этот сюжет ушел в народ.

Нью-Йоркский режиссер-документалист Андрей Азганданский давно уже снимает фильм обо мне. Вот он хочет приехать в Москву и сделать экранизацию этой пьесы на Красной площади.

— Вы пишете мемуары?

— Нет. Меня все время об этом спрашивают. Но уже многое — Харьков, юность — описано в книге Лимонова «Молодой негодяй». Ну, Эдик

всегда на себя все немножко перетягивает, но все же... Толя Брусликовский написал книги «Студия» и «Место художника». У него оказалась целая глава обо мне. Юра Милославский, мой харьковский друг, описал многое. Илья Кабаков написал воспоминания, Немухин написал.

Честно говоря, я не мемуарист. Все описывают, как было в жизни. А у меня есть какие-то рассказы, в основном о харьковских знакомых необычных. Как у Шукшина, знаете... чудики. Я начинаю их писать — а потом меня куда-то заносит. Начинаю писать про Алику — был такой харьковский персонаж — и меня понесло, фантазии какие-то пошли! Алик был одноглазый, он где-то в лагере потерял глаз. Я не знал, как это было, но сам выдумал. Дал прочесть Ирине. Она Алику знала. Однако спросила с ужасом: «А это правда так было?!». И, я смотрю, почти поверила...

— Как вы относитесь к новой российской деятельности Лимонова?

— Эдик сидит. Если б он был рядом с нами — ох, я бы много чего сказал... А вообще, если делать партию, — то не относиться к этому так серьезно. А чтобы вокруг рты разевали, чтобы на знамени был Диоген верхом на собаке...

— Почему на собаке?

— Потому что киники...

— Что вас восхищает и что тревожит в сегодняшней Америке?

— Я люблю изобразительное искусство. Музеи — восхищают. И в галереи я там люблю ходить. А что раздражает? Политика. Ее агрессивность. Когда иракская война обсуждалась, «Новое русское слово» отдало полосу всяким эмигрантским людям. С одним вопросом: отношение к войне?

Ну, я был против. Шемякин был против. Костя Кузьминский был против. Виктория Платова была против. У нас там есть своя писательница Виктория Платова, не та, что у вас: наша детективов не пишет. А все остальные поддерживали войну. Я был в шоке.

Мы были в Нью-Йорке, когда произошла трагедия с близнецами-домами. Мы живем в центре Манхэттена, а это — в нижней части. Но до нас доносился запах гари с полутрупным каким-то духом... Несколько дней мы это слышали. И окна не открывали.

— Что вас интересует в теперешней России?

— Мы смотрели НТВ, очень его любили. Потом телевидение стало кошмарным.

— Почему кошмарным?

— Потому что они стали крутить старые передачи, такой чистый консерв. Раньше все это шло прямо из Москвы, я всегда смотрел новости по НТВ, Киселева, Сорокину, «Глас народа». А потом они стали халтурить, пошли нарезки новостей уже в записи, старые фильмы. За два года нам пять раз показывали одни и те же фильмы. И все старые. Я в Москве стал смотреть канал «Культура». И думаю, что у канала «Культура» в США очень много было бы подписчиков. Потому что много людей, которые интересуются литературой, искусством. На Брайтон-Бич десять книжных магазинов, причем огромных! И они не прогорают.

— Есть вещи, которые вы хотели найти в Москве — и не нашли?

— Друзей своих не нашел молодыми...

● Беседовала Елена Дьякова

ПЕТР САРХАНОВ